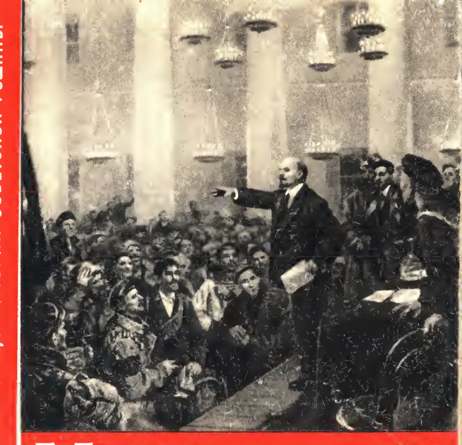
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

УТРО НОВОГО МИРА

УТРО НОВОГО МИРА

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
И ДОКУМЕНТОВ
О II ВСЕРОССИЙСКОМ
СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1962

9(С)21
У86

Воспоминания, напечатанные на страницах сборника,— рассказ о напряженных, волнующих днях октября 1917 г.

Авторы — делегаты II Всероссийского съезда Советов, первого съезда победившей революции, работники Центрального и Петроградского комитетов партии — знакомят читателя с подготовкой к созыву и работой съезда. Они рассказывают также, с каким воодушевлением были встречены на местах долгожданные законы — знаменитые ленинские декреты о власти, мире и земле.

В сборник вошли тексты ленинских декретов и решения собраний, сходов и митингов о признании и поддержке Совета Народных Комиссаров и проведении в жизнь декретов Советской власти.

Брошюра предназначена для изучающих историю СССР по программам средних учебных заведений.

Отзывы и замечания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, редакция литературы по истории советского общества.

Редактор-составитель
Н. В. ПОЛЯКОВА

Слово в этой книге предоставлено тем, кто в исторические дни октября 1917 г. участвовал в свершении величайшего революционного переворота, положившего начало подлинной истории человечества.

В ней рассказывается о кипучей организаторской работе большевиков, ЦК партии и В. И. Ленина по созыву и проведению II Всероссийского съезда Советов.

В обстановке вооруженного восстания в 10 часов 45 минут вечера 25 октября открылся II Всероссийский съезд Советов. Съезд в лице его 650 делегатов, приехавших с Урала и из Поволжья, из Белоруссии и Закавказья, из Сибири и с Украины,— посланцев многомиллионной России принимает декреты о власти, мире и земле.

Впервые в истории были справедливо решены жизненно важные для народа вопросы. Коммунисты осуществили то, за что боролись и о чем мечтали многие поколения революционеров, патриоты России, Германии, Англии, Франции, лучшие представители борцов за социальную справедливость.

Ты узнаешь, читатель, из напечатанных в книге документов о том, как были встречены повсюду, во всех уголках огромной России, первые декреты Советской власти, как озарили они надеждой путь миллионам.

В написанных простым, бесхитростным языком документах отражена большая человеческая радость. Рабочие, крестьяне, солдаты поняли, что они теперь граждане нового государства, в котором власть принадлежит трудящимся. Страна была вырвана из кровавой империалистической войны и спасена от национальной катастрофы. Октябрь принес народу полную свободу от экономического и национального гнета.

Призыв Советской власти прекратить империалистическую бойню, заключить справедливый, демократический мир оказал огромное воздействие на народы других стран.

История по сей день подтверждает величайшую жизненность ленинских декретов. Политика мирного сосуществования государств с различной социальной системой, провозглашенная II съездом Советов, находит все большее признание народов мира.

Итак, слово современникам.

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. К. КРУПСКАЯ

В октябрьские дни 1917 г. работала в секретариате ЦК партии большевиков; член КПСС с 1895 г.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

...Смольный был ярко освещен и весь кипел. Со всех концов приходили за указаниями красногвардейцы, представители заводов, солдат. Стучали машинки, звонили телефоны, склонившись над кипами телеграмм, сидели девицы наши, непрерывно заседал на третьем этаже Военно-революционный комитет. На площади перед Смольным шумели броневики, стояла трехдюймовка, были сложены дрова на случай постройки баррикад. У входа стояли пулеметы и орудия, у дверей — часовые.

В 10 часов утра 25 октября (7 ноября) уже было сдано в печать от имени ВРК Петроградского Совета обращение «К гражданам России!», где сообщалось:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» [1]

Хотя ясно было, что революция победила, 25-го утром продолжалась напряженная работа ВРК, занимавшего одно за другим правительственные учреждения, организовавшего охрану их и т. д.

В 2 часа 30 минут открылось заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С бурным ликованием встретил Совет информацию о том, что Временное правительство больше не существует, отдельные министры подвергнуты аресту, будут арестованы и остальные, предпарламент распущен, вокзалы, почта, телеграф, Государственный банк заняты. Идет штурм Зимнего дворца. Он еще не взят, но судьба его предрешена, и солдаты проявляют необычайный героизм; переворот прошел бескровно.

Бурно приветствовал Совет пришедшего на заседание Ленина. Ленин делал доклад. Он не говорил никаких больших слов по поводу одержанной победы. Это характерно для Ильича. Он говорил о другом — о тех задачах, которые стоят перед Советской властью, за осуществление которых надо взяться вплотную.

Он говорил, что началась новая полоса в истории России. Советское правительство будет вести работу без участия буржуазии. Будет издан декрет об уничтожении частной собственности на землю. Над производством будет учрежден подлинный рабочий контроль. Развернется борьба за социализм. Старый государст-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 26, стр. 207.

венный аппарат будет разбит, сломан, будет создана новая власть, власть советских организаций. У нас имеется сила массовой организации, которая победит все. Очередная задача — заключить мир. Для этого надо победить капитал. Заключить мир поможет нам международный пролетариат, среди которого уже появляются признаки революционного брожения.

Близка эта речь была членам Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов. Да, начинается новая полоса в нашей истории. Сила массовых организаций непобедима. Массы поднялись, и власть буржуазии пала. У помещиков возьмем землю, фабрикантов обуздаем, а главное — добьемся мира. На помощь придет мировая революция. Ильич прав. Бурными аплодисментами покрыта была речь Ильича.

Вечером должен был открыться II съезд Советов, он должен был провозгласить власть Советов, формально закрепить одержанную победу.

Делегаты съезжались. Среди них шла агитация. Власть рабочих должна опираться на крестьянство, вести его за собой... Левые эсеры считали, что нужно ввести уравнительное землепользование; большевики понимали, что нужна социалистическая перестройка всего земельного хозяйства. Но Ильич считал, что самое важное сейчас — конфискация помещичьих земель, а какими путями пойдет дальнейшая перестройка, покажет жизнь. И он обдумывал, как составить Декрет о земле.

В воспоминаниях М. В. Фофановой [1] есть одно очень

---

[1] Фофанова М. В. — участница революционного движения. В 1902 г. примкнула к организации РСДРП. После Февральской революции — депутат Петроградского Совета, вела работу по поручению Выборгского комитета партии.

Квартира М. В. Фофановой в октябре 1917 г. являлась конспиративной квартирой В. И. Ленина.

интересное место. «Помню,— пишет она,— Владимир Ильич дал мне задание достать все вышедшие номера «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», что мною, конечно, было выполнено. Не помню, сколько этих номеров я достала, но что-то очень много, словом, внушительный материал для изучения. Два дня Владимир Ильич занимался очень долго, даже по ночам, а потом на утро как-то и говорит: «Ну, кажется, насквозь всех эсеров изучил, осталось сегодня читать только наказ их мужичков», и часа через два зовет меня и весело говорит, ударяя рукой по газете (вижу, у него в руках номер «Крестьянских известий» от 19 августа): «Вот и соглашение с левыми эсерами готово. Шутка сказать, наказ подписан 242 депутатами с мест. Мы его положим в основу закона о земле и посмотрим, как левые эсеры подумают отказаться». Показывает мне номер, в разных местах расчерканный синим карандашом, и добавляет: «Вот надо только найти маленькую зацепочку, чтобы впоследствии их социализацию перекроить на наш лад»».

Маргарита[1] по профессии была агрономом, сталкивалась в своей работе с этими вопросами, и потому Ильич особенно охотно разговаривал с ней на эти темы.

Уйдут или не уйдут левые эсеры со съезда?

Вечером 25-го в 10 часов 45 минут открылся II Всероссийский съезд Советов. В этот вечер съезд должен был конституироваться, выбрать президиум, определить свои полномочия. Из 670 делегатов большевиков было лишь 300 человек; затем шли эсеры — 193 делегата, меньшевики — 68 делегатов. Правые эсеры, меньшевики, бундовцы рвали и метали. На чем свет стоит ругали большевиков. Они огласили декларацию протеста против «военного заговора и захвата власти, устроен-

[1] Имеется в виду М. В. Фофанова.

ного большевиками за спиной других партий и фракций, представленных в Совете», и ушли со съезда. Ушла и часть меньшевиков-интернационалистов. Левые эсеры — а их было громадное большинство среди эсеровских делегатов: 169 из 193 — остались. Всего ушло со съезда человек 50. Ильич 25-го на съезде не был.

В момент, когда открывался II съезд Советов, шел штурм Зимнего дворца... По поводу осады Зимнего на съезде устраивали невероятную истерику меньшевики и правые эсеры, бундовцы. Эрлих[1] заявил, что часть гласных городской думы решила пойти безоружными под расстрел на площадь Зимнего дворца, ввиду того что не прекращается обстрел дворца из орудий. Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, фракция меньшевиков и фракция эсеров решили присоединиться к ним. После ухода меньшевиков и эсеров был назначен перерыв. Когда заседание возобновилось, в 3 часа 10 минут, было сообщено о взятии Зимнего дворца, об аресте министров, о том, что офицеры и юнкера обезоружены, о переходе 3-го батальона самокатчиков, двинутого Керенским на Петроград, на сторону революционного народа.

Ильич, не спавший почти совершенно предыдущую ночь и все время принимавший активное участие в руководстве восстанием, когда не было уже никаких сомнений в одержанной победе и в том, что левые эсеры не уйдут со съезда, ушел из Смольного ночевать к Бонч-Бруевичам, жившим неподалеку от Смольного, на Песках. Ему отвели отдельную комнату, но он долго не мог заснуть, тихонько встал и стал составлять давно уже продуманный со всех сторон Декрет о земле.

Вечером 26 октября (8 ноября), выступая на съезде с докладом в обоснование Декрета о земле, Ильич гово-

---

[1] Эрлих — меньшевик-интернационалист.

рил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм... Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому, что мы пишем декрет, а не программу действий» [1].

В этих словах все ильичевское: и отсутствие мелочного самолюбия — было бы сказано правильно, а кто сказал, неважно,— и учет мнения низов, и понимание силы революционного творчества, и глубокое понимание того, что массы убеждаются больше всего практикой, фактами, и глубокая уверенность в том, что факты, жизнь приведут массы к пониманию того, что правильна точка зрения большевиков. Декрет о земле, который защищал Ленин, был принят...

На вечернем заседании 26 октября (8 ноября) были приняты декреты о мире и о земле. Тут с эсерами договорились. Хуже обстояло дело с образованием правительства. Левые эсеры со съезда не ушли, не могли уйти, понимая, что уход привел бы к тому, что они потеряли бы всякое влияние в крестьянских массах, но

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 26, стр. 228—229.

уход 25 октября со съезда правых эсеров и меньшевиков, их выкрики о большевистской авантюре, о захвате власти и т. д. и т. п. очень сильно их волновали. После ухода со съезда правых эсеров и других Камков, один из вождей левых эсеров, заявил, что они за единое демократическое правительство, что левые эсеры будут делать все возможное, чтобы создать такое правительство. Левые эсеры говорили, что они хотят быть посредниками между большевиками и ушедшими со съезда партиями. Большевики не отказывались от переговоров, но Ильич прекрасно понимал, что из этих разговоров ничего не выйдет. Не для того бралась власть, устраивалась революция, чтобы впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места. Сотрудничество с левыми эсерами Ильич считал возможным.

За пару часов до открытия съезда 26 октября имело место совещание по этому вопросу с представителями левых эсеров. В памяти осталась обстановка этого совещания. Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова [1], около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает. С левыми эсерами договоренности не получилось, они не хотели входить в правительство. Ильич предложил назначить на должность социалистических министров одних большевиков.

Заседание 26 октября (8 ноября) открылось в 9 часов вечера. Я присутствовала на этом заседании. Запомнилось, как делал доклад Ильич, обосновывая Декрет о земле, говорил спокойно. Аудитория напряженно слушала. Во время чтения Декрета о земле мне бросилось в глаза выражение лица одного из делегатов, сидевшего неподалеку от меня. Это был немолодой уже крестьян-

[1] Спиридонова — член ЦК партии левых эсеров.

ского вида человек. Его лицо от волнения стало каким-то прозрачным, точно восковым, глаза светились каким-то особенным блеском.

Была отменена смертная казнь, введенная Керенским на фронте, были приняты декреты о мире, о земле... утвержден был большевистский состав Совета Народных Комиссаров...

Тов. Эйно Рахья[1] рассказывает: когда в большевистской фракции намечался список первых народных комиссаров, он в это время сидел в уголке и слушал. Кто-то из намечаемых в народные комиссары стал отказываться, говоря, что у него нет опыта в этой работе. Владимир Ильич расхохотался: «А вы думаете, у когонибудь из нас есть такой опыт?!» Опыта не было, конечно. Но перед глазами Владимира Ильича вырисовывался облик народного комиссара, нового типа министра, организатора и руководителя той или иной отрасли государственной работы, тесно связанного с массами.

Владимир Ильич все время усиленно думал о новых формах управления. Он думал о том, как организовать такого рода аппарат, которому чужд был бы дух бюрократизма, который умел бы опираться на массы, организовывать их в помощь своей работе, умел растить на этой работе нового типа работников. В постановлении II съезда Советов об образовании рабочего и крестьянского правительства это выражено словами: «Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян

[1] Рахья Эйно — финский коммунист. В 1917 г.— член Петроградского комитета РСДРП(б).

и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров»[1].

Мне вспоминаются разговоры с Ильичем на эту тему в те недели, которые он жил у Фофановой. Я в это время работала с громадным увлечением в Выборгском районе, с жадностью всматривалась в революционное творчество масс, в то, как в корне перестраивается вся жизнь. Встречаясь с Владимиром Ильичем, я рассказывала ему о жизни района. Помню, рассказывала раз о своеобразном заседании народного суда, на котором я присутствовала. Такие суды проводились кое-где еще в революцию 1905 г. Проводились они, например, в Сормове. Тов. Чугурин, рабочий, которого я хорошо знала по партийной школе под Парижем, в Лонжюмо, и с которым мы теперь работали вместе в Выборгской районной управе, был сормовец. Он предложил начать организовывать такие суды и в Выборгском районе. Первое заседание суда происходило в помещении Народного дома. Народу набралось уйма, стояли плечом к плечу, стояли на скамьях, на окнах. Я не помню сейчас точно разбиравшихся дел. По существу дела это были не преступления в узком смысле этого слова, это были бытовые вопросы. Судили каких-то двух подозрительных типов, пытавшихся арестовать Чугурина. «Судили» какого-то высокого смуглого сторожа за то, что он бьет своего сына-подростка, эксплуатирует его, не пускает учиться. Из гущи собравшихся выступали многие рабочие и работницы, говорили горячие речи. «Подсудимый» сначала все вытирал пот со лба, потом по лицу его покатились слезы, обещал сынишку не обижать. По существу дела это был не суд, а общественный контроль над поведением граждан; выковывалась пролетар-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 26, стр. 230.

ская этика. Владимир Ильич чрезвычайно заинтересовался этим «судом» и выспрашивал у меня все детали его.

Но больше всего я рассказывала ему о новых формах культурной работы. Я заведовала в управе отделом народного образования. Летом детская школа не функционировала, приходилось заниматься больше политпросветработой. Тут мне помогал в значительной мере мой пятилетний опыт работы в вечерней воскресной школе за Невской заставой в 90-х годах. Времена были теперь, конечно, совсем другие, и можно было работу развертывать вовсю.

Каждую неделю собирались мы с представителями приблизительно от 40 фабрик и заводов, сообща обсуждали, что надо делать, как проводить те или иные мероприятия. Что решали, то сейчас же и проводили в жизнь. Решили, например, ликвидировать неграмотность, и представители от фабрик и заводов каждый на своем предприятии провели собственными силами учет неграмотных, нашли помещения под школы, нажали на заводоуправления, раздобыли средства. К каждой школе грамоты прикрепили уполномоченного — рабочего, который следил, чтобы в школе было все необходимое: доски, мел, буквари. Выделялись уполномоченные, которые следили, правильно ли поставлено преподавание и что говорят по поводу преподавания рабочие. Мы инструктировали прикрепленных и заслушивали их отчеты. Собирали делегаток от солдаток, обсуждали вместе с ними состояние дел в детдомах, организовывали их контроль над детдомами, инструктировали их, вели большую разъяснительную работу. Собирали библиотекарей района, вместе с ними и рабочими обсуждали формы работы массовых библиотек. Ключом била инициатива рабочих, около Отдела народного образования сплачивалось немало сил.

Ильич говорил тогда, что вот по такому типу должна будет складываться работа нашего государственного аппарата, наших будущих министров — по типу комиссий из рабочих, работниц, стоящих в гуще жизни, знающих быт, условия работы, то, что в данную минуту всего более волнует массы. Потому что Владимиру Ильичу казалось, что я понимаю, как втягивать массы в дело государственного управления, он особенно охотно и часто разговаривал со мной на эти темы; особенно ругал мне потом «паршивый» бюрократизм, лезущий во все щели. Позднее, когда встал вопрос о необходимости повысить ответственность наркомов и руководителей отделов наркоматов, часто сваливавших ответственность на коллегии и комиссии, встал вопрос об единоначалии. Ильич неожиданно ввел меня членом комиссии при Совнаркоме, которой поручено было рассмотреть этот вопрос. Он сказал: надо смотреть, чтобы единоначалие никоим образом не подавляло инициативы и самодеятельности комиссий, не ослабляло связи с массами, надо сочетать единоначалие с умением работать с массой. Ильич старался использовать опыт каждого для построения государства нового типа. Перед Советской властью, во главе которой встал теперь Ильич, стояла задача — построить невиданный еще в мире тип государственного аппарата, опирающийся на самые широкие массы трудящихся, по-новому, по-социалистически перестраивающий всю общественную ткань, все человеческие отношения...

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 314—323.

А. А. АНДРЕЕВ

После Февральской революции — член Петроградского комитета партии большевиков; член КПСС с 1914 г.

ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ В ОКТЯБРЕ 1917 г.

Мне довелось, присутствуя на II Всероссийском съезде Советов, видеть и слышать Ленина в момент победы Октябрьской революции — Ленина как руководителя восстания и организатора первого в мире Советского государства...

Смольный, где открывался съезд, представлял собой незабываемое зрелище, походил на боевой лагерь. Был темный и холодный петроградский вечер. Перед Смольным горели костры. Приходили и уходили, получая назначения, вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. У входа в Смольный стояли орудия, броневики.

Я хорошо помню первые бурные дни Февральской революции в Петрограде. Приходилось тогда быть и на улицах, участвуя в демонстрациях, бывать и в Таврическом дворце, где обосновался Петроградский Совет депутатов и куда стекались со всех сторон рабочие заводов, роты и полки солдат, экипажи балтийских матросов, чтобы выразить свою верность революции. Переодетая в солдатские шинели полиция в упор стреляла на Невском в толпу демонстрантов, обстреливала народ из пулеметов с чердаков, а люди, несмотря на все это, снова собирались и шли. Все понимали, что царизм сгнил, падает и нет у него никакой поддержки ни в стране, ни в столице. Но тогда было у людей какое-то другое настроение — опьянения, ощущения свободы при сравнительно легкой победе. Теперь же, в октябре, у восставших рабочих и солдат было что-то другое,

было какое-то соединение уверенности, решительности и сосредоточенности. В феврале преобладала бьющая через край стихийность — тут во всем был необычайный революционный подъем и вместе с тем организованность. Это была другая революция. Теперь борьба предстояла посерьезнее и с другим врагом — объединенными силами буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции, получавшей прямую поддержку международного империализма.

В зале заседания задолго до открытия съезда собрались делегаты. Шли заседания фракций. Съезд открылся поздно вечером. Меньшевики и эсеры, оказавшиеся на съезде в жалком меньшинстве, пытались поднять шум по поводу происходящих на улицах Петрограда событий, но, получив дружный отпор большинства, ушли со съезда. Левые эсеры и часть меньшевиков остались.

На первом заседании Ленин не присутствовал: он руководил вооруженным восстанием и в этот же день выступал в Петроградском Совете.

Съезд утвердил порядок дня. Важнейшими вопросами были вопросы о мире, о земле и об образовании рабоче-крестьянского правительства. С огромным воодушевлением съезд принял написанное Лениным обращение к рабочим, крестьянам и солдатам, в котором объявлялось о победе восставших петроградских рабочих и солдат, о свержении Временного правительства, о том, что отныне вся власть переходит в руки Советов. В обращении съезда в сжатой форме была изложена программа ближайших шагов Советской власти: речь шла о предложении немедленного демократического мира, о передаче помещичьих земель крестьянским комитетам, о рабочем контроле над производством, о доставке городам хлеба, а деревне товаров, о праве наций на самоопределение.

В ходе съезда делегатам все время из президиума сообщалось об успешном развертывании восстания. Взятие Зимнего дворца было встречено бурными аплодисментами. Первое заседание съезда окончилось поздно ночью; большинство делегатов съезда так и не расходилось из Смольного до следующего заседания.

Вечером на другой день началось второе заседание. Первым вопросом был доклад о мире. Когда Ленин появился на трибуне, весь зал поднялся и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!»

В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уж были не только делегаты съезда, зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и матросами. Люди становились на подоконники, выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире.

Ленин начал доклад с указания на то, что вопрос о мире является наиболее жгучим и больным, и тотчас перешел к зачитыванию Декрета о мире, предлагаемого партией большевиков на рассмотрение съезда. В декрете предлагалось всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о мире на условиях отказа от захвата чужих земель и контрибуций, немедленного заключения перемирия. Советское правительство отменяло тайную дипломатию и заключенные тайные договоры.

Ленин в докладе и в заключительном слове особо подчеркивал, что наши условия переговоров не должны носить ультимативного характера. Мы должны лишить

сторонников продолжения грабительской войны выигрышного положения, и мы готовы рассмотреть и другие предложения. Это не может быть истолковано как наше бессилие. Надо отбросить буржуазную фальшь о силе. Сила, по буржуазному представлению, говорил Ленин,— это когда массы идут на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. По нашему же представлению, государство сильно сознательностью масс, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Как бы предупреждая о трудностях, он говорил, что правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и потопить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но народ всюду устал от войны, ширится революционное движение в других странах.

После обсуждения доклада, которое вылилось, по существу, в демонстрацию поддержки внесенных Лениным предложений, съезд с большим подъемом, дружно одобрил Декрет о мире. Этот декрет, написанный Лениным, замечателен тем, что в нем со всей прямотой говорилось о мирной политике Советской власти с первого же момента ее существования. В декрете съезда были заложены основы всей дальнейшей мирной политики Советского правительства и нашей партии.

Дальше съезд перешел к рассмотрению вопроса о земле. Снова на трибуне Ленин, встреченный бурными аплодисментами. Его выступление было кратким, он говорил о том, как важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Свергнутое правительство, меньшевики и эсеры всячески оттягивали решение земельного вопроса и привели страну к разрухе и крестьянским восстаниям.

Земля, говорил Ленин, должна быть передана крестьянам. Правительство рабоче-крестьянской револю-

ции в первую голову должно решить вопрос о земле. Ленин читает Декрет о земле, которым помещичья собственность отменяется, все помещичьи земли, как и земли удельные, монастырские, с постройками, живым и мертвым инвентарем переходят в распоряжение земельных комитетов и Советов. Ленин тут же пояснил, что в декрете помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Как демократическое правительство, заявил Ленин, мы не можем обойти постановление народных низов. Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Суть в том, чтобы крестьянство получило полную уверенность, что помещиков в деревне больше нет. Так был решен одним взмахом в самом начале социалистической революции вековечный вопрос о земле.

Краткостью своего доклада, сжатостью его Ленин как бы подчеркивал, что наступило время практических действий, что социалистическая революция и Советское правительство с первых своих шагов решительно, без лишних слов, без проволочек, по-деловому разрешают вопросы восставшего народа.

Близилось утро. После единодушного принятия Декрета о земле съезд избрал первое в мире Советское правительство во главе с гением пролетарской революции В. И. Лениным. Так началась новая, социалистическая эра человеческой истории.

«Воспоминания о В. И. Ленине»,
т. 2. М., 1957, стр. 20—25.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

После II съезда РСДРП стал на ленинские позиции. В октябрьские дни вел большую агитационную работу по заданию ВРК; 25 октября был выдвинут по предложению В. И. Ленина на пост наркома просвещения.

СМОЛЬНЫЙ В ВЕЛИКУЮ НОЧЬ

Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех его комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет. Несколько девушек, совершенно измученные, тем не менее геройски справляются с неимоверным натиском приходящих за разъяснениями, указаниями и с различными просьбами и жалобами лиц.

Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или иным мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны восставшим городам России свои приказы.

Я не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в Октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неис-

черпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовой голос революции.

Заседание II съезда Советов началось в Белом зале Смольного вечером. Настроение собравшихся праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то что идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносят известия самого тревожного свойства.

Когда я говорю: никакой паники, я говорю о большевиках и об огромном большинстве съезда, стоявшем на их точке зрения. Наоборот, объяты паникой злобные, смущенные, нервные правые «социалистические» элементы.

Когда заседание наконец открывается, настроение съезда выясняется вполне. Речи большевиков принимаются с бурным восторгом. С горячим восхищением выслушиваются молодцы-матросы, явившиеся рассказать правду о боях, идущих вокруг Зимнего дворца.

Какой несмолкаемой бурей аплодисментов встречено долгожданное сообщение о том, что Советская власть проникла наконец в Зимний дворец и министры-капиталисты арестованы! Между тем меньшевик поручик Кучин, игравший большую роль в армейской организации того времени, выйдя на трибуну, грозил нам немедленно привести в Петроград солдат своего фронта. Он читал резолюции против Советской власти от имени 1, 2, 3-й и так далее до 12-й, включая особую, армии и закончил прямыми угрозами по адресу осмелившегося пойти на «такую авантюру» Петрограда.

Это никого не пугает. Никого не пугает также заявление, что все крестьянское море развернется перед нами и поглотит нас.

Владимир Ильич чувствует себя словно рыба в воде: веселый, не покладая рук работающий и уже

успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, которые когда-то сделаются — это мы уже теперь знаем — знаменательнейшими страницами истории нашего века.

Прибавлю к этим беглым штрихам еще мои воспоминания о первом назначении Совета Народных Комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить.

Как он был прав! Иные, конечно, сменились, иные остались на местах. Сколько было таких, которые не без робости приступали к порученному делу, а потом оказались вполне на высоте его. У иных, конечно,— не только из зрителей, но и из участников переворота — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми. Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполнение задач и брался за них так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта парохода.

«Воспоминания о В. И. Ленине»,
т. 1, М., 1956, стр. 627—629.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Участник Октябрьской революции, член КПСС с 1903 г.

КАК ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ПИСАЛ ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

...Часа в четыре ночи мы, утомленные, но возбужденные, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы, прилегающие к Херсонской. Мы вышли из Смольного. Город был не освещен. Найдя автомобиль на условленном месте, мы двинулись ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подремывал в автомобиле. Приехав, поужинали кое-чем. Я постарался предоставить все для отдыха Владимира Ильича. Еле уговорил его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

Я лег в соседней комнате на диване и твердо решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привел в боевую готовность револьверы и подумал: «Ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича; всего можно ожидать».

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумагу все известные мне телефоны нашего района и отдельных товарищей из Смольного, соседних районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть», — подумал я.

Наконец я потушил электрическую лампочку. Свет в комнате Владимира Ильича погас раньше. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу: почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, удостоверившись, что я сплю, еле слышными шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и, опершись на локти, углубился в работу, разложив какие-то бумаги, тут же их прочитывая. Все это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видимо, стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда наконец Владимир Ильич потушил огонь и лег в постель. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, сказав, что Владимир Ильич работал всю ночь и несомненно крайне утомлен. Но вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный.

— С первым днем социалистической революции! — поздравил он всех, и на его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряженного двадцатичасового трудового дня. Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочел нам свой знаменитый Декрет о земле.

— Вот только бы объявить его, широко опубликовать и распространить. Пускай попробуют тогда взять его назад! Нет, никакая власть не в состоянии отнять этот декрет у крестьян и вернуть земли помещикам.

Это — важнейшее завоевание нашей революции. Аграрная революция будет совершена и закреплена,— говорил Владимир Ильич.

Когда ему кто-то сказал, что на местах еще будет много всяких земельных непорядков и борьбы, он тотчас же ответил, что все это уже мелочь, все остальное приложится, лишь бы поняли программу этого аграрного революционного переворота, прониклись бы ею и выполнили целиком и полностью на местах. Он стал подробно рассказывать, что этот декрет потому будет принят крестьянами, что в основу его положены требования наказов всех крестьянских сходов своим депутатам, посланным на съезд Советов.

— Да, но ведь это были требования эсеров, вот и скажут, что мы от них заимствуем,— заметил кто-то.

Владимир Ильич улыбнулся:

— Пускай скажут. Не все ли нам равно! Крестьяне ясно поймут, что все их справедливые требования мы всегда поддержим. Мы должны вплотную подойти к крестьянам, к их жизни, к их желаниям. А если будут смеяться какие-либо дурачки, пускай смеются. Монополию на крестьян мы эсерам никогда не собирались давать. Мы правительственная партия, и вслед за диктатурой пролетариата крестьянский вопрос — важнейший вопрос.

Владимир Ильич хотел как можно скорее провозгласить на съезде этот декрет. Решили сейчас же перепечатать его на машинке в нескольких экземплярах и тотчас сдать в набор в наши газеты, чтобы завтра утром он был опубликован. После принятия декрета на съезде Советов — немедленно разослать по всем газетам страны с указанием напечатать в ближайшем номере.

Декрет о земле вскоре был разослан по всем петроградским редакциям с нарочными, а в другие города — по почте и телеграфу. Наши газеты заверстали его

«Декрет о земле»

С картины художника В. А. Серова

предварительно, и наутро декрет читали уже сотни тысяч и миллионы людей. Все трудящиеся принимали его с восторгом. Буржуазия шипела и огрызалась в своих газетах. Но никто на это не обращал внимания...

Владимир Ильич еще долгое время интересовался, сколько экземпляров Декрета о земле распространено среди солдат, крестьян. Декрет о земле перепечатывали много раз и бесплатно рассылали во множестве экземпляров не только в губернские и уездные города, но и во все волости России, и, пожалуй, ни один закон не был опубликован у нас так широко, как закон о земле, которому Владимир Ильич придавал такое огромное значение.

— Когда раздаете демобилизованным Декрет о земле,— сказал Владимир Ильич,— надо каждому хорошо объяснить его смысл и значение и не забывать говорить, что, если помещики, купцы, кулаки еще сидят на захваченных землях, обязательно гнать их и землю передавать в распоряжение крестьянских комитетов. Поставьте смышленого матроса, который смотрел бы, куда положит солдат декрет: надо, чтобы он положил его поглубже в сумку, под вещи, чтобы не утерял, а с десяток экземпляров держал бы поближе для чтения и раздачи в вагоне...

«Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Л., 1956, стр. 8—11.

А. М. КОЛЛОНТАЙ

Активная участница Октябрьского вооруженного восстания; народный комиссар социального призрения в составе Советского правительства, избранного на II съезде Советов; член КПСС с 1915 г.

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Если меня спросят: какой был самый великий, самый памятный час в моей жизни, я, не колеблясь, отвечу: час, в который провозглашена власть Советов.

Никогда не забыть и ни с чем не сравнить нашей светлой и гордой радости, когда мы услыхали с трибуны II съезда Советов в Смольном простые и величавые слова исторического решения:

«Вся власть переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Не забыть Владимира Ильича Ленина в тот великий час! Он был в президиуме съезда, когда провозглашались знаменитые первые декреты Советской власти — о мире, о земле. Ильич сидел в глубочайшей задумчивости.

Он сидел, оперши голову на руку. Ладонь как бы обнимала и поддерживала огромный ленинский лоб... Проницательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не видели: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать.

Удивительна, незабываема была эта сосредоточенная и вдохновенная задумчивость Владимира Ильича за столом президиума первого советского законодательного собрания, когда большевики в первые же часы власти начинали социалистическое строительство, строительство нового мира.

...Владимир Ильич прибыл в Смольный в ночь на 25 октября (7 ноября). Он прибыл из подполья, из Лесного, где по решению партии скрывался от ищеек Керенского.

На следующий день Ленин открыто направился на заседание Петросовета.

Некоторые товарищи пытались удержать Ленина, не допустить его до опасности открытого появления в Совете. Кто это пережил, тот не забудет тех минут напряженнейшего опасения за Ильича.

Но время подполья миновало. Ленин не слушал предостережений. Он даже не возражал нам. Он спешил в зал, где заседал Совет.

Ленин лучше нас знал настроение пролетарских масс города и деревни, лучше знал фронтовиков, он знал, что его ждут, ждут его решающего выступления.

И вот Ленин в дверях зала.

По залу пронесся шелест голосов: «Ленин!» И восторженные овации депутатов долго не давали ему говорить.

Доклад Владимира Ильича был необычайной силы. Он словно электризовал волю депутатов Совета.

Возвращаясь из зала заседаний, Ильич говорил нам с ласковой усмешкой:

— Вот видите, как депутаты отозвались. А вы еще сомневались.— И он укоризненно качал головой, лукаво косясь в сторону ретивых своих телохранителей.

Помню комнату в Смольном окнами на Неву. Вечер. Темный, октябрьский. С Невы порывами дул шквальный ветер. В комнате тускло светила электрическая лампочка над небольшим квадратным столом. А за столом собрались члены ЦК, избранные на VI съезде партии. Кто-то принес несколько стаканов горячего чая.

Ленин здесь. Ленин был среди нас. Это давало нам

бодрость и уверенность в победе. Ленин спокоен. Ленин тверд. И такая ясность и сила была в его действиях, какая бывает у очень опытного капитана в шторм. А шторм был невиданный — шторм величайшей социалистической революции.

Вскоре мы услышали залп «Авроры»...

На мою долю выпало счастье и великая честь: работать с Лениным в первом Советском правительстве в качестве народного комиссара госпризрения.

Совет Народных Комиссаров в первые недели своего существования собирался в Смольном, на третьем этаже в угловой комнате, которая называлась «кабинетом Ленина».

Обстановка заседаний Совнаркома была самая деловая и даже более чем деловая — недостаточно удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик тов. Горбунова, секретаря СНК, он вел протокол. Всякий раз, когда Ленин давал слово кому-нибудь или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!..

Приведу один случай. Он ярко характеризует быт членов Совнаркома и самого Ленина в те горячие дни.

Это случилось вскоре после закрытия II съезда Советов. Шведские товарищи из Стокгольма прислали Владимиру Ильичу и мне по старой памяти (я во время политической эмиграции работала в Швеции) несколько головок голландского сыра.

Подарок был исключительно своевременный. Помнится, однажды во время митинга после выступления и яростного политического спора с эсерами у меня сделалось головокружение.

— Вы больны, товарищ Коллонтай? — спросил один из красногвардейцев, поддерживая меня.

— Нет, скорее, пожалуй, голодна.

Красногвардеец предложил мне тогда рубль — «купить хлебушка», а когда я отказалась, узнал мой адрес, принес хлеб домой и скромно ушел, оставшись неизвестным.

Вот потому-то я, признаюсь, порадовалась возможности угостить сыром Ильича. Глава правительства тоже недоедал наравне с нами.

Перед заседанием СНК я показала круглые красные головки сыра Ильичу. Он забеспокоился, первая его забота была о нас:

— Надо поделить на всех. И Горбунова не забудьте.

Ленин ушел в кабинет, а я разложила газеты на столе в смежной проходной комнате, достала нож и стала делить сыр на ужин товарищам.

Мое присутствие, однако, потребовалось на заседании Совета Народных Комиссаров. Я оставила нож и сыр на столе и ушла. Заседание затянулось, как обычно в те дни, до поздней ночи. И я забыла про сыр. Когда же я вернулась, его на месте не оказалось. Нож и газеты, а сыра — ни крошки... Я упрекнула себя в том, что не предупредила караул о назначении этого сыра. За день караульные у дверей сменились много раз. Разделенный на порции и оставленный в этой комнате сыр был принят караульными за паек. И не было ничего удивительного, что в течение дня он был роздан товарищам.

Я вернулась в кабинет к Владимиру Ильичу, он вместе с Горбуновым правил протокол (Ленин всегда так делал; этой исключительной тщательности и точности в работе мы учились у него повседневно).

— Что случилось? — спросил Владимир Ильич. Я рассказала. Он от души рассмеялся.

— А что, сыр был вкусный? — спросил он, искренне смеясь.— Вы так и не попробовали его? Вот это жалко. Но, думаю, беда невелика: не мы, так другие поедят.

Глаза Ильича сияли теплой, ласковой улыбкой: ну что ж, говорил этот незабываемый ленинский взгляд, не наркомов, так бойцов или рабочих угостили сыром, поужинали — и славно!

И Ленин вернулся к чтению протокола, к текущим делам Председателя Совета Народных Комиссаров.

Великий человек продолжал свою титаническую работу по становлению первого в мире Советского государства, работу, которая бессмертной страницей вошла в историю человечества.

«Вечерняя Москва», 31 марта
1962 г.

Б. ЭТИНГОФ

Делегат II Всероссийского съезда Советов; член КПСС с 1903 г.

НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ

В первых числах октября семнадцатого года с далекого Персидского фронта разными путями добиралась до Петрограда группа военных. Это были делегаты на Второй Всероссийский съезд Советов. До столицы мы ехали порознь и встретились уже в Смольном.

Съезд, назначенный сперва на 20 октября, откладывался. Потом стало известно: открытие состоится 25-го числа вечером.

В Питере чувствуется предельная напряженность, всюду глаз видит приметы предстоящих решающих событий. На улицах необычайно оживленно. То тут, то там ежеминутно возникают митинги. Четко, по-военному, печатают шаг красногвардейские дружины. Перекрещенные пулеметные ленты на груди, винтовки через плечо.

Возле Смольного, где размещались все учреждения Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета, наибольшее оживление, непрерывно, день и ночь, сюда идут люди из районов, с предприятий.

Перед настежь раскрытыми дверями Смольного группа вооруженных рабочих. Предъявляю мандат. Быстрый взгляд, кивок головой: «Проходи».

На площадке лестницы второго этажа — стол, здесь регистрируют делегатов, прибывших на съезд.

Впереди меня стоит цепочка, человек десять, судя по одежде, большинство нашинских фронтовиков.

— Партийность? — спрашивают за столом. Прислушиваюсь. Два — эсеры, третий заученно-твердо выговаривает: «Социал-демократ, меньшевик», остальные бросают коротко: «Большевик... Большевик»...

Очередь доходит до меня; регистрирующая девушка снова спрашивает о партийной принадлежности и, услышав ответ, не выдерживает:

— Опять большевик?!

Сидевшие рядом регистраторы тоже весьма разочарованы. Только один из них приветливо поднялся, протянул руку и сообщил:

— В комнате восемнадцать — большевистская фракция съезда.

Направляюсь туда. Большая комната битком набита народом...

Из разговоров узнаю, что зарегистрировано уже свыше шестисот делегатов, из них почти две трети —

большевики; одним поручили участвовать в организации боевых рабочих дружин, другие пополнили охрану Смольного или прикреплены в качестве агитаторов к райкомам и Петроградскому комитету партии...

Все последующее время, вплоть до открытия съезда, я провел на заводах, в казармах, в учебных заведениях, выполняя поручения Петроградского комитета партии. Выступать приходилось перед самой разнообразной аудиторией, по самым различным вопросам. Активность слушателей была исключительной, она явственно отражала нарастающее изо дня в день в массах требование свергнуть Временное правительство Керенского и передать всю полноту власти Советам.

Зато на собраниях служащих и чиновников, в студенческой и особенно офицерской среде злобные выкрики в адрес нашей партии становились все более угрожающими. Заметно было, как навстречу друг другу шли две мощные волны — поднимающейся в низах пролетарской революции и одновременно буржуазно-чиновничьей контрреволюции, откровенно призывавшей к белому террору.

Если еще недавно обычной для сторонников Временного правительства была слащавая песенка о демократии, которая, мол, всем хороша, да вот большевики мешают, то в последующие дни, непосредственно предшествовавшие восстанию, зазвучали прямые призывы к самосуду над большевиками, к установлению военной диктатуры для разгрома большевистской партии и разгона Советов. Оставшись повсеместно в Советах в явном меньшинстве, меньшевики и правые эсеры переходили в лагерь монархическо-кадетской контрреволюции. Все чаще отмечались попытки арестов большевистских ораторов, избиения и провокационные выстрелы.

В эти дни Смольный принял вид крепости, готовящейся к осаде. На площади круглые сутки дежурят

вооруженные отряды рабочих, внутри здания виднеются пулеметы и всюду винтовки: за спинами, в руках, прислоненные к стенам, составленные в козлы...

Как-то меня разыскал Ю. М. Стеклов [1].

— Владимир Ильич,— сказал он,— хочет побеседовать с представителями Кавказского фронта. Его интересует информация о нашей армии в Персии. Вечером он будет ждать вас в Смольном.

О Ленине до этого я знал уже много, расспрашивал каждого, кто когда-либо встречался с Владимиром Ильичем. Казалось, только услышишь: «Ленин» — и уже видишь его как живого, как близкого человека, с которым постоянно общаешься. И вот Ленин стоит рядом, разговаривает с нами. Хорошо, до мелочей знакомое лицо — правда, на этот раз без знаменитой ленинской бородки; тот самый темно-серый костюм, о котором рассказывали товарищи; та самая давно «обжитая» обувь,— во внешнем виде нет ничего такого, что сразу бы примечалось, все очень привычно, обыденно. Присматриваешься, вслушиваешься — и вдруг тебя охватывает ощущение какой-то особенности, необычайности этого человека. Он удивительно прост, и простота эта отнюдь не от нарочитой упрощенности, наоборот, она результат величия духа, огромной житейской мудрости; недаром говорят: все, что гениально,— просто. Весь он — источник гигантской силы, силы непоборимой правоты и убежденности...

Мы сообщили Владимиру Ильичу, что еще в июне — июле большевики завоевали руководство в большинстве Советов солдатских депутатов фронта, что, вопреки приказам ставки, приступили к эвакуации во-

---

[1] Стеклов Ю. М.— после Февральской революции — член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; после Октябрьской революции — редактор «Известий».

инских частей из Персии, значительная часть которой была оккупирована царскими войсками. Рассказали и о том, что в Персии разбойничья политика царизма — ограбление народа — продолжалась Временным правительством и Кавказским комиссариатом, полностью поддержавшим монархический генералитет.

Владимир Ильич сосредоточенно слушал, быстро задавал короткие вопросы, снова слушал, иногда пытаясь потеребить отсутствовавшую бородку. Он немного подался вперед, когда мы начали говорить о том, что в Тавризе, Шерефхане, Урмии и некоторых других городах трудящиеся образовали свои Советы депутатов.

— Вот вы сказали,— вдруг перебил он,— что эвакуировали наши войска из Персии. А как поступили с имуществом армии, с продовольственными базами, вещевыми складами, вооружением?

Мы объяснили, что продовольствие и обмундирование были распределены при эвакуации между подразделениями; что же касается оружия, то винтовки роздали солдатам, а пулеметы и артиллерийские орудия переправлены через границу и сданы Советам рабочих депутатов.

— Толково, товарищи, рассудили,— заметил Владимир Ильич...

24 октября в Петрограде началось вооруженное восстание.

В тот же день Ю. М. Стеклов предложил мне работать в газете «Известия». Состав новой редакции — только большевики. Редактором был избран Стеклов.

Редакция тогда занимала две комнаты на первом этаже Смольного: первая — небольшая, где постоянно, день и ночь, толпились люди; вторая — побольше, здесь готовились материалы для очередных номеров. Часто, преимущественно ночью, заходил сюда Владимир Ильич, просматривал информационные сводки, стено-

граммы. Иногда присаживался за один из столиков, которые были расставлены вдоль стен, торопливо что-либо писал, задумчиво потирая рукой свой огромный лоб.

...Из Смольного — боевого штаба революции — все время направлялись вооруженные отряды, агитаторы и делегаты в разные воинские части. В эти дни и часы редакция «Известий» была не только редакцией печатного органа, но и одним из непосредственных участников восстания, связным между Военно-революционным комитетом, Центральным Комитетом партии и революционными частями.

В то же время редакция являлась и своеобразным бюро информации. У наших дверей всегда собирался народ, люди интересовались ходом восстания, требовали указаний, но чаще всего обращались с просьбами: «сообщите Ленину...», «попросите у Ленина...», «помогите встретиться с Лениным»...

Раннее утро 25 октября. В редакцию, одно вслед другому, поступают сведения о событиях прошедшей ночи. Телефонная станция, Балтийский вокзал и телеграф захвачены нами. Арестовано несколько министров. Казаки колеблются. Стычки... И позднее: заняты министерства, в наших руках Государственный банк.

Стремительно промчался день... Близится вечер... Со всех сторон к Смольному идут люди. С улицы доносятся гудки автомобилей, трещат мотоциклы. Завывая сиреной, тронулся куда-то броневик. На потолке пляшут красноватые блики. Это отсвет костров, разведенных наружной охраной. Огромные, плохо освещенные коридоры, топот тяжелых солдатских сапог, непрерывный гул голосов. В Смольном всюду люди — солдаты, рабочие, у многих винтовки.

Зал заседания набит битком, заполнены до отказа все проходы. На возвышении старый ЦИК — Дан,

Либер, Мартов, Гоц, Богданов... Нет Керенского, бежавшего на фронт, нет Чхеидзе, понявшего, что все кончено, и вернувшегося в Грузию, нет Церетели...

Десять часов сорок пять минут вечера.

Дан потрогал колокольчик. И сразу тишина.

— Товарищи,— сказал он,— съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума Центрального Исполнительного Комитета, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИКом. *(Смутный шум)*... Объявляю первое заседание Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым.

Скорбный тон голоса Дана не мог обмануть делегатов. Было известно, что «партийные товарищи» Дана — министры уже вызвали с фронта войска, назначили кадета Кишкина диктатором с самыми широкими полномочиями. Так до последней минуты министры Временного правительства «самоотверженно выполняли свой долг», стремясь удушить пролетарскую революцию.

Президиум избирался в обстановке бурного противодействия меньшевиков и эсеров.

Неожиданно откуда-то издалека донесся тяжелый глухой гул: пушки. Зал, как один, повернулся к окнам — туда, где в октябрьской полночи заканчивался штурм Зимнего. Гул не затихал. Под тревожный настойчивый гром артиллерийской стрельбы и продолжалось это историческое заседание.

На трибуне — Мартов:

— Гражданская война началась, товарищи! Там, на улице, стреляют в наших братьев!

Крики и шум заглушили его слова.

Меньшевики, бундовцы, правые эсеры, видя, что сорвать съезд не удается, решили его покинуть.

Я видел, как у самого выхода кто-то остановил Мартова, уговаривая его остаться, но Мартов ответил:

— Оставьте, товарищи. Надо изолировать большевиков. Мы скоро вернемся.

Но нам было ясно, что и Мартов, и те, кто с ним, и все оппортунисты, соглашатели уходят от пролетарской революции, и уходят навсегда.

В руках делегатов мелькали небольшие листки бумаги. Вот что было на них написано:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Поздно ночью стало известно о падении Зимнего и аресте Временного правительства. Неописуемый подъем, великая радость победы охватили съезд.

На трибуну вбежал Крыленко. В высоко поднятой руке телеграмма:

— Товарищи, получено с Северного фронта. Двенадцатая армия приветствует съезд Советов и сообщает

о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом...

Гром аплодисментов. Люди обнимаются друг с другом.

А над Петроградом уже забрезжил рассвет. Над Россией вставало утро...

26 октября. Ждем открытия заседания съезда. Но президиума все нет и нет: продолжаются фракционные заседания. В комнате № 18, как мне потом рассказывали очевидцы, Ленин громил сторонников компромисса. Зиновьеву, Каменеву, Рязанову пришлось испытать на себе всю силу беспощадной ленинской логики. Зиновьев растерянно твердил:

— Мы не удержимся. Мы будем изолированы.

— Это трусость и соглашательство,— гневно бросал ему в лицо Ленин.— Мы не уступим ни пяди. С нами рабочие и солдаты.

Около девяти часов вечера в зале появился президиум во главе с великим Лениным. До этого съезд не видел его. И когда председатель назвал докладчика по основным вопросам — о мире и о земле, казалось, колонны вздрогнули от взрыва аплодисментов. Делегаты стоя приветствовали своего вождя и учителя...

Ленин на трибуне ждал, пока стихнет буря приветствий. Овация смолкла лишь после его долгих просьб.

— Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

И Ленин зачитал Декрет о мире. Он читал спокойно, без единого жеста, только изредка слегка наклоняясь вперед. Делегаты слушали, затаив дыхание. Осуществилось!..

Когда Декрет о мире был принят, зал в едином порыве запел «Интернационал». Потом кто-то из делегатов крикнул:

— Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!

И над залом поплыла торжественная траурная мелодия:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Любви беззаветной к народу.
. . . .
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!..

Я видел, как украдкой смахнула слезу Коллонтай, как, не скрываясь, плакал рядом со мной бородач-солдат.

А Ленин уже оглашал Декрет о земле.

Около пяти часов утра было сформировано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, целиком из большевиков, избран новый ВЦИК. Второй Всероссийский съезд Советов закончил свою работу.

Начались первые дни Советской власти — новой эры в жизни человечества.

«Летопись Великого Октября».
М., 1958, стр. 243—250.

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ

В 1917—1919 гг.— народный комиссар внутренних дел РСФСР; член КПСС с 1897 г.

РОЖДЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

25 октября я приехал в Петроград и сразу же направился в штаб революции — Смольный, где шла напряженная работа. К этому времени в руках питерских пролетариев находились все решающие в тактическом отношении пункты столицы. Ленин требовал, чтобы Зимний дворец и Штаб округа — последнее прибежище Временного правительства — были взяты как можно скорее.

С раннего утра до позднего вечера 25 октября в Смольном происходили заседания партийных фракций. Большевики на съезде представляли наиболее многочисленную фракцию.

На II съезд Советов приехали делегаты 318 провинциальных Советов. Приехавшие на съезд с большевистскими наказами делегаты 241 Совета решительно заявляли: «Вся власть Советам!» В этом ярко отразились успехи нашей партии в большевизации Советов.

Меньшевистско-эсеровские лидеры представляли собой генералов без армии. В то время как петроградские рабочие и солдаты с оружием в руках брали Зимний дворец, меньшевики и правые эсеры с трибуны съезда безоговорочной поддержкой Временного правительства демонстрировали свое контрреволюционное лицо. Правые эсеры и меньшевики покидают зал заседания съезда.

Сообщение о взятии Зимнего дворца — последней твердыни контрреволюции — было встречено овацией. Делегаты съезда восторженно принимают написанное

В. И. Лениным обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором сообщалось:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

В 5 часов утра съезд принял воззвание.

Бурными аплодисментами делегаты съезда декретировали переход власти в руки рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Весть об этом по телеграфу и телефону 26 октября распространилась по всей стране. Мне выпало счастье слушать на съезде исторические доклады Ленина о мире и земле. Никогда не забуду ликования съезда при появлении в зале Владимира Ильича. Вскочив со своих мест, делегаты встретили Ленина бурей аплодисментов. Мощные звуки «Интернационала» смешались с приветственными возгласами в честь великого вождя революции.

Для управления страной съезд избрал временное рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров, председателем которого был избран Владимир Ильич Ленин.

Так родилось первое в мире рабоче-крестьянское правительство.

Прошло несколько дней. 17 ноября Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин подали заявление о выходе из Центрального Комитета партии ввиду несогласия с ЦК в вопросе о формировании правительства.

Ленин в Смольном
С картины художника В. А. Серова

Они считали, что надо образовать правительство из всех партий, называющих себя социалистическими. Ногин ушел с поста комиссара торговли и промышленности, Рыков — с поста наркома внутренних дел, Милютин — с поста наркома земледелия.

Вскоре после этого Владимир Ильич, встретив меня в приемной Совнаркома... сказал:

«Как раз вовремя. Сейчас мы вас назначим наркомвнуделом. У нас Рыков сбежал с этого поста».

Я взмолился: «Владимир Ильич! Назначайте любого товарища, а я буду его помощником».

На это Ленин ответил: «Во время революции от назначений не отказываются,— и в шутку, заразительно смеясь, добавил: — Дать Петровскому двух выборгских рабочих с винтовками, они его отведут в Министерство внутренних дел, пусть тогда попробует отказаться».

Конечно, после такого внушения я умолк.

30 ноября был издан декрет о назначении меня наркомом внутренних дел, и я принялся за работу. Все позиции приходилось брать с бою. В бывшем министерстве застал двух товарищей министра. Когда предложил им работать в наркомате, они даже возмутились: как это им сделали такое предложение! С нами остались мелкие служащие: охрана, вахтеры, курьеры, швейцары.

В канцеляриях груда неразобранных бумаг, запертые столы и шкафы, ключи от которых в знак протеста унесли служащие министерства. Пришлось пойти на чрезвычайные меры для разбора дел. Под конвоем в течение месяца вынуждены были мы возить в Наркомвнудел старых чиновников, пока нами не был создан новый аппарат. Вскоре удалось подобрать коллегию наркомата, в которую вошли: Смирнов, Правдин, Лацис, Яковлева, Тихомирнов, Эльцин, Антонов-Сара-

товский, Васильев-Южин, Алгасов (левый эсер, работавший по коммунальному отделу).

Многого мы тогда себе не представляли. Вначале нам казалось все просто: сломать старый аппарат, а на его месте создать совсем новую систему организации власти. Но как это сделать — мы еще тогда не знали. А жизнь настоятельно требовала ответов на многие вопросы, возникавшие на местах, причем вопросы эти часто нуждались в незамедлительном решении. Подчас не знали, как и приступить к делу. Помню, что я весьма просто «решил» вопрос о том, как быть с такими учреждениями, как сенат, синод, некоторые дворянские сословные учреждения: повесил на дверях этих учреждений замки... и все. Узнав об этом «решении», Ленин рассмеялся, а потом указал мне, что, прежде чем закрывать, надо было изучить их деятельность, узнать работавших там людей и честных, желающих сотрудничать с нами, привлечь...

Г. И. Петровский, «Великое начало».
М., 1957, стр. 19—21.

Р. И. КИСИС

Член ВРК 2-го Рижского стрелкового полка; делегат II Всероссийского съезда Советов; член КПСС с 1913 г.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ

...Все взоры теперь были обращены к Петрограду. От Петрограда ждали, чтобы он начал сражение, осуществил надежды измученных войной миллионов трудящихся, поднял знамя нового государства рабочих и крестьян, знамя диктатуры пролетариата.

Объединенный Совет латышских стрелковых полков избрал делегатами на II Всероссийский съезд Советов К. Петерсона, П. Старкиса и Р. Кисиса.

Когда мы, делегаты латышских стрелков на II Всероссийский съезд Советов, утром 24 октября садились на Цесисе на поезд, идущий в Петроград, на лицах и во взорах провожающих нас стрелков можно было прочитать лишь одно: Петроград не обманет, Петроград восстанет... Передайте от нас привет героическому Петрограду! В тот момент никто в Цесисе еще не знал, что петроградские красногвардейцы уже маршируют к штабу революции — Смольному институту, что вооруженное восстание уже началось. Лишь поздней ночью, когда наш поезд прибыл в Гатчину, мы узнали, что в Петрограде Варшавский и Балтийский вокзалы уже заняты Красной гвардией и солдатами революционного петроградского гарнизона.

Утром 25 октября Петроград встретил нас гулом боев. По дороге с вокзала в Смольный нас обгоняли вооруженные отряды матросов и солдат. Где-то в центре города трещал пулемет, рвались гранаты. Просторный двор Смольного института в тот день представлял со-

бой вооруженный лагерь. Там сверкали штыки составленных в пирамиды винтовок, там угрожающе глядели в небо жерла орудий. Пылали костры, вокруг которых грелись роты и батальоны красногвардейцев, матросов и солдат, дожидаясь распоряжений и боевых заданий от Петроградского военно-революционного комитета.

25 октября в Смольном институте я впервые увидел Ленина. Это было еще до открытия съезда. На первом этаже института регистрировали делегатов-большевиков. Там собралось много товарищей из разных мест. Вдруг разнеслась весть: «Ленин! Говорит Ленин!» Эти слова разом подняли людей на ноги, и все поспешили в большой актовый зал института, где на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов выступал Ленин.

Ленин не принадлежал к тем ораторам, что стремятся пленить публику театральными жестами и блестками фраз. Он говорил очень просто. Но каждое слово он произносил с особой внутренней силой и неотразимой убежденностью. Слушая Ленина, каждый ощущал, что его словами вещает сама истина, что в его речи просто и ясно сформулировано то, что у самого слушателя накипело на сердце. В позднейшие годы мне не раз приходилось слышать Ленина и снова испытать на себе неодолимую силу его слова. Так говорить мог только великий гений, исполин мысли, выразитель чаяний и чувств миллионов трудящихся.

Исторический II Всероссийский съезд Советов начал свою работу 25 октября в 10 часов 45 минут в большом зале Смольного института. К тому времени руководимое большевиками вооруженное восстание рабочих и солдат Петрограда приближалось к полной победе. Восставшие уже захватили Центральный телеграф, телефон, вокзалы, мосты через Неву, банки и министер-

ства. Министры Временного правительства были осаждены в Зимнем дворце.

В начале съезда эсеры и меньшевики устроили обструкцию. Они кричали, что происходящий переворот незаконный. Они обвиняли большевиков в узурпации власти. Особенно «драматичными» были речи меньшевистского лидера Мартова и председателя «черного» Искосола [1] 12-й армии Кучина.

Мартов взошел на трибуну как раз в тот момент, когда от грохота орудий задрожали стекла в окнах Смольного института. И вот под аккомпанемент этих гулких раскатов лидер меньшевиков Мартов начал выкрикивать ругательства по адресу большевиков. Он рекомендовал съезду избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения.

Мартову не дали договорить. В зале поднялась такая буря протеста, что горе-адвокату контрреволюции пришлось освободить трибуну.

Потом выступал меньшевик офицер Кучин. Колотя кулаком по трибуне, он стал угрожать съезду открытием фронта и гибелью России. «От чьего имени говорите вы? — спрашивают его с мест.— Когда выбраны? А солдаты что говорят?»

Вся речь Кучина была чистейшей ложью. Необходимо было тотчас же разоблачить шарлатана Кучина, и это великолепно сделал делегат латышских стрелков Карл Петерсон.

---

[1] «Черный» Искосол — Исполнительный Комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии. Избран на армейском съезде 12-й армии в марте 1917 г. Большинство комитета составляли меньшевики и эсеры, за что он и назван черным.

В составе избранного 14—15 ноября 1917 г. армейского комитета 12-й армии большевики получили 48 мест из 60.

Карл Петерсон не блистал искусством слова. Его сильной стороной был организаторский талант. Обычно он мало говорил, а много делал. Но на этот раз Карл Петерсон произнес прекрасную, захватывающую речь. Он показал, что угрозы Кучина — пустой звук, что Кучин говорит лишь от имени обанкротившихся эсеро-меньшевистских армейских комитетов, что солдатские массы стоят на стороне революции, что латышские стрелковые полки в полной боевой готовности целиком поступают в распоряжение Советской власти. А если кучины грозят покинуть съезд — скатертью им дорога. Армия не за них, а за Советскую власть.

Речь Петерсона, эту присягу латышских стрелков на верность Октябрьской революции, делегаты съезда встретили возгласами «Ура!» и бурными аплодисментами.

Меньшевистско-эсеровская обструкция закончилась бегством их со съезда. «Дезертиры! Предатели! Корниловцы!» — кричали им вслед делегаты съезда.

Первое заседание съезда продолжалось всю ночь. С горячим восторгом выслушал съезд сообщение о взятии Зимнего дворца. Контрреволюционное Временное правительство перестало существовать. Его министры были арестованы, и вся власть в стране отныне принадлежала Всероссийскому съезду Советов. Съезд принял написанное Лениным историческое воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», провозгласившее Советскую власть во всей стране.

На небе забрезжила утренняя заря, когда закончилось первое заседание II Всероссийского съезда Советов. Это было первое утро новой эры в истории человечества.

Второе заседание состоялось 26 октября в 9 часов вечера. Здесь были приняты исторические решения — декреты о мире, о земле, а также создано первое

Советское правительство — Совет Народных Комиссаров.

С докладом о мире и о земле выступил Ленин. Он не присутствовал на первом заседании, потому что непосредственно руководил вооруженным восстанием. Теперь, когда восстание в Петрограде увенчалось полной победой, Ленин пришел на съезд, чтобы сформулировать и обосновать первые законы Советской власти.

Декрет о мире уже тогда наметил основу миролюбивой политики нашего государства, принципы политики дружбы и мирного сосуществования народов, на которые сегодня опирается весь лагерь социализма в своей борьбе за мир, за прогресс человечества. Мне никогда не забыть, с каким подъемом делегаты съезда пели пролетарский гимн «Интернационал» после того, как единогласно был утвержден Декрет о мире.

С таким же восторгом был принят Декрет о земле. Декретом о земле помещичья собственность на землю отменялась немедленно без всякого выкупа.

Мы, делегаты латышских стрелков, вместе с другими делегатами латышского народа, вместе с делегатами всей России голосовали за решения II съезда Советов, ибо были уверены, что за Советскую власть, за построение социализма стоит весь трудовой народ Латвии.

Среди делегатов II съезда Советов был также П. Стучка — выдающийся организатор и руководитель революционного движения в Латвии.

Сейчас же по окончании съезда Стучка пригласил на совещание делегатов из Латвии. Мы получили от Стучки указание как можно скорее возвратиться в Цесис. Керенскому удалось бежать из Зимнего дворца, и он в районе Гатчины пытался организовать наступление на Петроград контрреволюционных частей, в первую очередь казаков. В этих условиях необходимо было

помешать штабу Северного фронта в Пскове и штабу 12-й армии в Валке прийти на помощь Керенскому, надо было срочно ликвидировать авантюру Керенского. Революционные латышские и сибирские стрелковые полки должны были немедленно вступить в борьбу с контрреволюцией Керенского. Но что происходило в 12-й армии, в Цесисе и в Валке — об этом утром 27 октября в Смольном не было никаких сведений. Поэтому Стучка торопил нас с отъездом из Петрограда, советовал воспользоваться любым поездом и доставить в военно-революционный комитет 12-й армии распоряжение Петроградского военно-революционного комитета немедленно поддержать Петроград латышскими стрелковыми полками. Нам предстояло ехать через захваченную казаками Гатчину, поэтому приходилось действовать осторожно. Распоряжение Петроградского ревкома было зашито в воротник моей шинели, и таким путем оно благополучно дошло до председателя военно-революционного комитета 12-й армии Чарина.

28 октября мы, делегаты II съезда Советов, вернулись в Цесис. Вооруженное восстание в районе 12-й армии успешно развивалось. 1-й Даугавпилсский и 3-й Курземский латышские стрелковые полки, выполняя приказ Военно-революционного комитета, еще 27 октября заняли Цесис и парализовали «черный» Искосол. Теперь был дан приказ взять Валмиеру, Валк и Тарту (Юрьев), чтобы удержать в руках военно-революционного комитета все важнейшие центры района 12-й армии и воспрепятствовать штабам организовать нападение на революционный Петроград. Эти распоряжения были успешно выполнены. 7-й Баусский латышский стрелковый полк занял Валмиеру. 6-й Тукумский стрелковый полк вместе с 436-м батальоном Новоладожского полка вступил в Валк и принудил к сдаче штабных офицеров 12-й армии. В Тарту обеспечил

быструю победу Советской власти расквартированный там латышский стрелковый запасный полк. Керенский не получил от 12-й армии никакой помощи, и вскоре его авантюра была окончательно ликвидирована.

Больше времени потребовалось на то, чтобы выгнать из Искосола 12-й эсеров и меньшевиков. На заседании Совета солдатских депутатов 12-й армии, собравшемся 28 октября в Цесисе, голоса разделились между эсеро-меньшевиками и большевиками почти поровну. Как потом выяснилось, это произошло потому, что приспешники меньшевика Кучина во многих случаях получили мандаты с помощью самого бесстыдного обмана солдат. Они перед солдатами выдавали себя за большевиков, сторонников Советской власти, а на Совете поддерживали Кучина.

Равновесие голосов поставило Совет в такое положение, что он не мог принять никаких решений. Начались долгие совещания левого (большевистского) и правого (меньшевистского) блоков с целью найти какой-нибудь компромисс.

Помню, как левый блок всю ночь с 28 на 29 октября совещался в цесисской церкви. Эту церковь большевики уже с сентября использовали для собраний и митингов, иногда там даже играли на органе «Интернационал». Наконец оба блока договорились о выборе временного Искосола с равным числом членов от большевиков и от эсеро-меньшевиков и о проведении в воинских частях новых выборов. Было решено через десять дней созвать новый Совет солдатских депутатов 12-й армии.

В этом новом Совете подавляющее большинство голосов принадлежало левому блоку. Тогда и произошло окончательное изгнание эсеров и меньшевиков из Искосола 12-й. Был избран революционный большевистский Искосол. Председателем выбрали Нахимсона.

заместителем председателя — Самсона, секретарями — Траутмана и Кисиса.

Выборы революционного Искосола завершили победу Октябрьского восстания во всей 12-й армии. 8 и 9 ноября в Валке собрался Совет депутатов рабочих и безземельных крестьян Латвии. Исполнительный комитет Совета — Исколат был пополнен несколькими новыми членами. Теперь он стал высшим органом Советской власти в Латвии. Председателем Исколата был избран только что вернувшийся из эмиграции Ф. Розинь.

Советская власть была завоевана. Социалистический переворот стал фактом. Начался период строительства социализма в нашей стране.

«Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. 1958, стр. 469—474.

Н. В. ЕРУШЕВ

Солдат Западного фронта.

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

В октябре 1917 г. ехал я с Западного фронта в Петроград на II съезд Советов. Ехать-то пришлось по-всякому: и в тамбуре, и на буферах, а больше всего на крышах теплушек, прижавшись к трубе. Главная забота — не попасться на глаза заградительным отрядам

Керенского. Они рыскали по станциям в поисках дезертиров. И делегат-большевик явился бы для них неплохой добычей. Правда, у меня было с собой подделанное полковыми писарями «командировочное удостоверение», в котором значилось, что я еду «по делам службы». Но стоило лишь вспороть подкладку моей шинели, как оттуда посыпались бы десятки резолюций солдатских митингов против войны. Там же была спрятана красная лента. Я прикрепил ее к шапке, как только прибыл в Петроград.

А подоспел я туда в самую пору, в канун восстания. В Смольном, в комнате на первом этаже, где регистрировались большевики, мне вместе с мандатом вручили винтовку и патроны. Я, как и многие другие делегаты, прибывшие с фронта, был направлен в сводный отряд, готовившийся брать Зимний. Так что нам не довелось присутствовать на первом заседании, открывшемся 25-го. Прежде чем попасть на съезд, мы побывали в царском дворце...

Наш отряд в ожидании сигнала стоял на Петроградской стороне, у Народного дома. А там, в Народном доме, шел спектакль. Давали «Бориса Годунова», пел Шаляпин. И мы, солдаты, матросы, красногвардейцы, бегали по очереди в зал слушать оперу. Билетерши безропотно пропускали нас. Войдешь тихонечко, на цыпочках, послушаешь минут пять — и обратно. Шаляпин и не ведал, наверное, что поет для бойцов революции, собирающихся штурмовать Зимний.

Мы шли на дворец во втором эшелоне. Когда мы, спустившись с моста, свернули на набережную, мимо нас в Петропавловскую крепость провели под конвоем министров Временного правительства... Ночевали мы в Зимнем. Я спал на полу почти у самого царского трона, подложив под голову папаху. А утром делегаты съезда, штурмовавшие дворец, отправились пешком через весь

«Декрет о мире»

С картины художника В. А. Серова

город в Смольный. Там мы узнали, что Ленина не было в первый день на съезде: он руководил восстанием.

Второе заседание началось вечером 26-го. Мне, помнится, удалось пробраться к самым подмосткам, сколоченным из свежих, еще пахнувших смолой сосновых досок. Я находился в каких-нибудь трех-четырех шагах от Ленина, провозглашавшего декларацию о мире.

Эта декларация, которая, после того как ее принял съезд, стала первым декретом Советской власти, была особенно близка нам, фронтовым делегатам. Каждая ее строчка отвечала нашим думам и помыслам. По духу своему, по содержанию она была похожа на те солдатские резолюции против войны, которые я привез с собой с фронта. Когда шло голосование декрета, мы вскидывали вверх руку с винтовкой. Винтовкой голосовали мы за мир...

Делегаты-фронтовики жили тут же, в Смольном. На третьем этаже, в длинном полутемном коридоре, были устроены для нас вдоль стен деревянные нары. За день намаешься, а ночью все равно не спится. Лежим, курим, балакаем, кто о чем. А больше всего про землю, про деревенскую жизнь. Шинели-то на всех солдатские, а души под шинелями крестьянские!

Лежим, помню, вот так на нарах во вторую или третью ночь после съезда, с боку на бок ворочаемся, а сон не идет в глаза, никак не заснуть. Накурено, душно. А тут еще сосед мой, бородатый рязанец, стонет, кряхтит. Ногу натер, вот она и саднит. «Слушай,— говорю,— давай полечу. Я способ один знаю». Размотал рязанец портянку. Гляжу: вся пятка у него содрана, как только ходит человек! «Братцы,— обращаюсь к соседям,— нет ли у кого немного сальца?» Протягивают. Вынул я из вещевого мешка свечку, зажег, поднес к ней кусок сала. «Давай,— говорю,— рязанец, ногу...»

И тут замечаю, что все как-то притихли вокруг. Оглянулся — ахнул. Ленин, оказывается, подошел неслышно, присел на корточки, руками уперся в колени и глядит на мое занятие. «Что это вы, товарищ, делаете?» — спрашивает. Кто-то из солдат отвечает: «Тут, товарищ Ленин, сибиряк рязанца лечит».— «И как же вы лечите?» — обращается ко мне Ильич. Объясняю, говорю, что горячего сала на ссадину накапать — наипервейшее средство. Этому меня еще в деревенской кузне обучили, когда я молотобойцем работал. «Но ведь здесь не сельская кузница,— хмурится Ленин,— а столица...» И тут же к рязанцу: «Разрешите, товарищ, взглянуть на вашу рану... Ого, как это вас так угораздило? Немедленно к врачу! Да-да, немедленно! Внизу имеется медпункт. Вам сделают там перевязку. Знаете, как туда пройти? А лучше — идемте-ка вместе. Я покажу вам дорогу. Мне как раз по пути. Идемте, идемте...» И, взяв прихрамывающего рязанца под руку, Ильич уводит его. Когда оба скрываются за поворотом, кто-то из делегатов говорит раздумчиво: «Вот это мужик! Свойский, нашенский. От солдатской портянки носа не воротит...»

Пробыли мы в Питере с неделю, а может, чуть побольше. Охраняли Смольный, патрулировали по городу. Кое-кому довелось даже под Гатчиной побывать, в бою против войск Керенского... Но подошло время — и в отъезд. Нужно было возвращаться в свои части. Отправляли делегатов организованно, группируя по принципу, кому с какого вокзала. Нас, отбывающих с Витебского, собралось в комнате, где выдавали проездные документы, человек сорок. Тут и рязанец, которого я «лечил». Стоим в шинелях с вещевыми мешками за плечами, с винтовками, да еще у каждого по объемистой пачке листовок с декретами о земле и мире. Ждем Ленина, который, как нам сказали, хочет попрощаться с отъезжа-

ющими. Вот наконец дверь распахивается, и стремительно входит Ильич. Заметил моего рязанца, узнал и сразу к нему: «Ну, как ваша нога, товарищ?» А тот отвечает: «Нормально, товарищ Ленин. Я уже и забыл, какая болела — левая или правая...»

Оглядев всех нас и увидев пачки листовок, Владимир Ильич сказал:

«Хорошо, что вас успели снабдить этим самым сильным, самым нужным сейчас оружием. Наши декреты должны дойти до сердца каждого солдата, рабочего, крестьянина, должны привлечь на сторону революции миллионы людей... Но и это оружие,— он показал на винтовку,— не кидайте, берегите. Оно еще пригодится. Революция свершена, но нужно отстоять, защитить ее от всяких посягательств империалистов. Нам не обойтись без армии, и мы создадим эту новую, невиданную армию, рабоче-крестьянскую армию. Вы, фронтовые, опаленные порохом солдаты-большевики, составите ее основное ядро, ее костяк... До свидания, товарищи! Передайте привет всем солдатам. Счастливого вам пути!»

И он по очереди попрощался со всеми за руку. Кажется мне, что и поныне ладонь моя хранит прикосновение мягкой, теплой ленинской руки...

Толстая пачка листовок, которую я вез, быстро растаяла в пути. У меня их расхватали в вагонах, на станциях. В часть я привез лишь несколько штук, и они сразу же пошли по рукам...

«Рабочие и крестьяне России о Ленине». Воспоминания. М., 1958, стр. 45—48.

М. КОПТЕВ

Участник октябрьских революционных событий в Костроме; член КПСС; делегат II Всероссийского съезда Советов.

ЗА МИР, ЗЕМЛЮ, СВОБОДУ!

Накануне Октябрьского социалистического переворота шла подготовка ко II Всероссийскому съезду Советов. Пленум Костромского Совета солдатских депутатов избрал меня делегатом на съезд.

Поскольку открытие съезда было перенесено с 20 на 25 октября, то я с великим удовольствием пять дней до съезда «поварился» в петроградском революционном котле. Успел побывать на четырех многолюдных митингах, на которых беспартийные рабочие и солдаты одобряли действия большевиков и уже открыто ставили вопрос о взятии власти, а меньшевикам и правым эсерам и говорить не давали, настолько соглашатели опротивели народу. Тут я почувствовал и увидел, что революционный накал в столице значительно сильнее, чем в Костроме. Это для меня была большая учеба.

Еще бóльшую школу прошел я на самом II Всероссийском съезде Советов. Здесь, на собрании фракции большевистских делегатов съезда и на его заседаниях, я впервые видел и слышал нашего великого вождя Ленина.

На собрании фракции председательствовал Я. М. Свердлов. Владимир Ильич скромно сидел в углу. Он решительно высказался за немедленное взятие власти...

Собрание фракции закончилось краткой, но очень сильной речью Владимира Ильича в пользу вооруженного восстания. Свою речь Ленин закончил словами:

«Или гигантский скачок вперед и полная наша победа, или топтание на месте и наше полное поражение».

Величайшее счастье испытывали мы, делегаты от рабочих, солдат и крестьян, когда слушали выступления В. И. Ленина, когда II Всероссийский съезд Советов объявил Временное правительство низложенным и взял власть в свои руки. С гневом и негодованием дали мы отпор на съезде правоэсеровским и меньшевистским провокаторам, с небывалым восторгом приняли предложенные Владимиром Ильичем Лениным декреты о земле и о мире, утвердили состав первого в истории человечества Советского правительства во главе с Лениным.

Со съезда в Кострому мы привезли большое количество листовок с текстами декретов о мире, о земле. Нажав на костромского комиссара свергнутого Временного правительства меньшевика-интернационалиста А. А. Касаткина [1], отпечатали еще и листовки и распространили по городу и уездам.

Я отчитался перед Советом и солдатами о работе II Всероссийского съезда Советов. На гарнизонном митинге в цирке, на митингах в частях и подразделениях солдаты костромского гарнизона приветствовали первые декреты Советской власти и высказались за немедленный переход всей власти в руки Советов в Костроме и губернии. В эти незабываемые дни они дружно помогли рабочим осуществить великое историческое дело — захват власти.

5 декабря 1917 г. из штаба Московского военного округа в адрес Костромского военно-революционного комитета пришел телеграфный приказ: костромичам сформировать двухтысячный отряд Красной гвардии и

---

[1] Ныне А. А. Касаткин — член КПСС (с 1919 г.), персональный пенсионер *(Примечание редактора).*

отправить его против атамана Каледина, начавшего на Дону поход на Советскую власть. Костромские большевики быстро организовали отряд из солдат 202-го полка и костромских рабочих. За счет миллионеров Аристова и Вахрамеева обеспечили отряд деньгами в сумме 300 тысяч рублей. Мне было поручено быть комиссаром отряда.

Сначала отряд действовал в Донбассе в районе станции Дебальцево, обеспечивая отгрузку и отправку в центр крайне нужного каменного угля. Потом он в составе группы войск Саблина и Антонова-Овсеенко выполнял боевые задания с успехом для дела социалистической революции.

Солдаты костромского гарнизона единодушно встали на защиту Советской власти.

«Октябрь в Костроме». Кострома, 1957, стр. 36—38.

ДЕКРЕТЫ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И КРЕСТЬЯНАМ!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончились. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой не-

обходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др.— делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие,— в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих
и солдатских депутатов
Делегаты от крестьянских Советов

«Рабочий и Солдат» № 9,
26 октября (8 ноября) 1917 г.

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. 26, стр. 215—216.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживае-

мая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,— не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию

тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии,

Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

«Известия ЦИК» № 208, 27 октября 1917 г.; «Правда» № 171, 10 ноября (28 октября) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, т. 26, стр. 217—220.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революцион-

ным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

Крестьянский наказ о земле

«Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) *Право частной собственности на землю отменяется навсегда;* земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: *государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, поссессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно*, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с *высоко-культурными* хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжерен и т. под. *не подлежат разделу, а превращаются в показательные* и передаются в исключительное пользование *государства или общин*, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности на этот срок, прийти к нему на помощь, путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности, утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно сво-

бодны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч. должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению».

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

«Известия ЦИК» № 209, 28 октября 1917 г.; «Правда» № 171, 10 ноября (28 октября) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, т. 26, стр. 226—228.

ТРУДЯЩИЕСЯ МАССЫ ОДОБРЯЮТ РЕШЕНИЯ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Если мы раскроем пожелтевшие от времени газеты конца октября — ноября 1917 г. или обратимся к архивным материалам той поры, то встретим огромную массу документов — резолюций, приветствий, телеграмм, в которых выражается одобрение по поводу установления Советской власти, власти трудящихся, по поводу принятия давно желанных законов, декретов II Всероссийского съезда Советов о мире и земле. Таких документов тысячи. Нет возможности привести их в небольшой брошюре. Но и напечатанная здесь очень незначительная часть их убеждает в том, что новые мероприятия Советской власти отвечали кровным интересам трудового народа.

Вот некоторые из документов.

27 октября: *«Мы, рабочие и работницы Петроградского патронного завода, выслушав доклады по текущему моменту, 27 октября на общем собрании постановили: 1) приветствовать все постановления революционного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов; 2) приветствовать Петроградский Совет рабочих*

и солдатских депутатов и энергичную деятельность Военно-революционного комитета».

«Правда» № 175 (106), 14 ноября
(1 ноября) 1917 г.

В тот же день митинг рабочих и солдат г. Царицына постановил: *«Мы, рабочие и солдаты 312, 241, 92 и 93-го полков и граждане города Царицына, собравшись на митинге в количестве 15 000 человек и выслушав представителей Исполнительного комитета Советов депутатов и других товарищей по текущему моменту и вопросу о переходе власти в руки Советов, постановили: поддерживать съезд Советов в Петрограде в его борьбе за лозунг — вся власть Советам и за немедленный демократический мир.*

Да здравствует Интернационал.

Совет депутатов».

«Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 209, 28 октября 1917 г.

Мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов, Пермской губернии, вынес такую резолюцию 1 ноября:

«Заслушав доклад делегата о II Всероссийском съезде Советов тов. Борчанинова как о съезде Советов, так и о событиях, имевших место в Петрограде 24 и 25 октября, Совет постановляет:

1) Взять на месте власть в свои руки.

2) Признает, что захват власти Советами явился настоятельной необходимостью данного момента развития русской революции, обеспечивающей как самое существование Советов, так и разрешение коренных вопросов о земле и мире и своевременный созыв Учредительного собрания. Поэтому рабочие, солдаты и крестьяне

должны отдать все свои духовные и материальные силы на поддержку вновь образованного Советского правительства от покушений со стороны контрреволюционной буржуазии и помещиков, объединившихся против новой власти с предательским правым крылом эсеров и меньшевиков.

3) Изданные новым правительством декреты о земле и мире Совет считает актами, издания которых с все возрастающим нетерпением ожидала вся крестьянская, рабочая и солдатская Россия и которые одним ударом разрубили два мертвых узла, стягивавших нашу внутреннюю и внешнюю политику.

4) Декрет о земле, разрешая в положительном смысле основной вопрос жизни нашего крестьянства, вопрос о конфискации всех помещичьих, церковных, монастырских и удельных земель без всякого выкупа, открывает свободный выход нарастающему в деревне недовольству и направляет начавшее принимать уродливые формы аграрное движение в нормальное русло организованного разрешения вопроса.

5) Декретом о мире, исходящим не от правительства российских империалистов, а от истинно рабочего и крестьянского правительства, будет разбита стена недоверия, которая отделяла западноевропейский и в первую голову немецкий рабочий класс от русской революции, та стена, которая была воздвигнута усилиями империалистов в союзе с нашими оборонцами, двинувшими русскую революционную армию в авантюристическое наступление, чтобы этим самым убить у немецких рабочих всякую веру в силу и мощь русской революции, которая в самом начале призывала их к решительной борьбе за мир.

6) Вполне одобряет мероприятия Военно-революционного комитета, которые были сделаны для того, чтобы убрать с дороги тот хлам, который был известен под

именем коалиции, и расчистить путь для новой, рабочей и крестьянской власти.

7) Совет клеймит презрением ту паутину клеветы и лжи, которая плетется беззастенчивыми политиканами из буржуазно-эсеровско-меньшевистского лагеря, и отмечает печатью предателей и явных изменников не только делу пролетариата, но и вообще демократии, эсеров и меньшевиков, которые в грозный момент борьбы за Советскую власть, уйдя со Всероссийского съезда вместе с представителями тайной и явной корниловщины, организовали «Комитет спасения революции», целью которого может являться лишь осуществление единоличной диктатуры керенских, корниловых и беспощадное удушение действительно революционных элементов страны.

8) Мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов твердо уверен, что новое правительство, опираясь на дружную поддержку всех солдат, рабочих и крестьян, сможет дать сокрушительный отпор всяким контрреволюционным попыткам керенских, корниловых и К^0 и сумеет разрешить все те задачи, которые выдвинула русская революция.

Привет победоносному Петроградскому гарнизону, рабочим и матросам.

Да здравствует революция!»

(Принята большинством: 44 против 22, при 1 воздержавшемся.)

«Пролетарское знамя» № 6,
7 ноября 1917 г.

Крестьяне Тверской губернии постановили 3 ноября: *«Мы, крестьяне Тверской губ., Вышневолоцкого уезда, Казикинской волости, деревень Залучье, Красноселье, Шабаново, Горка и Александрово, собравшись 3 ноября с. г. в количестве 220 человек, заслушав до-*

клад делегата от Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов тов. Зубкова и обсудив его всесторонне, постановили:

1) Создавшееся новое правительство, выделенное Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов с участием делегатов от крестьянских Советов, является действительно народным правительством.

2) Приветствуем декрет народного правительства о немедленной передаче всей помещичьей, удельной, кабинетной, монастырской и казенной земли без выкупа крестьянским земельным комитетам в заведование до Учредительного собрания.

3) Крестьянские земельные комитеты должны согласно указу народного правительства немедленно взять на учет и охрану весь помещичий инвентарь и запасы хлеба.

4) Приветствуем решительные шаги народного правительства к достижению немедленного и справедливого мира для скорейшего окончания вызванной помещиками и капиталистами этой кровавой войны, которая длится уже четвертый год.

И поэтому мы со своей стороны заявляем, что будем поддерживать новое народное правительство всеми имеющимися у нас средствами до тех пор, пока оно защищает наши интересы, и надеемся, что оно примет все меры к скорейшему созыву Учредительного собрания. Требуем от народного правительства проведения в жизнь контроля над производством; как от рабочих, так и от крестьян также требуем, чтобы народное правительство приняло меры к тому, чтобы была доставка хлеба в те губернии, где своего не хватает.

Петр Максимов Журавлев.
Иван Григорьев Бархин».

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 21, л. 33. Подлинник.

Херсонская губерния. 5 ноября:

«Мы, крестьяне дер. Балашевки, Елизаветградского уезда, заслушав доклад о текущем моменте, вынесли следующую резолюцию:

Принимая во внимание последние события в Петербурге, Киеве, Москве, созданные правительством Керенского и К⁰, находим, что никакая коалиция с цензовыми элементами не может спасти революцию. Требуем:

1. Немедленной передачи всей власти Советам р., с. и кр. д., ибо только власть Советов ответственна перед народом, не даст погибнуть завоеваниям революции и доведет страну до Учредительного собрания.

2. Немедленной передачи всей земли, помещичьей, монастырской и т. д., в распоряжение крестьянских земельных комитетов.

3. Контроля над производством и распределением. Для того, чтобы ускорить приближение мира и этим спасти революцию, немедленно опубликовать тайные договоры, объявить 3-месячное перемирие на всех фронтах и сейчас же начать переговоры о мире. Мы уверены, что только таким путем, предлагаемым партией большевиков, можно приблизиться к социальной революции и к миру.

Принята единогласно при двух воздержавшихся.

Председатель Осип Мельников».

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, л. 75, д. 33. Копия.

Представители крестьянских обществ Оршанского района, Могилевской губернии, приняли 12 ноября решение:

«1) Признать и поддерживать новое рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров.

2) Признать и немедленно до Учредительного собрания провести в жизнь Декрет о земле, изданный II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о переходе земли в руки крестьян и рабочего народа со всем живым и мертвым инвентарем.

3) Избрать временное бюро по крестьянским делам при Военно-революционном комитете. В бюро избрано 9 чел...

4) Немедленный переход всех земель, кроме земель рядового крестьянства, со всем живым и мертвым инвентарем в руки крестьян и трудового народа должен быть проведен в жизнь через посредство волостных земских управ, местных сельских и рабочих комитетов при посредстве и контроле временно избранного бюро и Военно-революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Председатель Зюлько».

«Оршанский вестник» № 945,
23 ноября (6 декабря) 1917 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ 5

Н. К. Крупская. Октябрьские дни . . . . —
А. А. Андреев. Ленин на II съезде Советов в октябре 1917 г. 16
А. В. Луначарский. Смольный в великую ночь 21
В. Д. Бонч-Бруевич. Как Владимир Ильич писал Декрет о земле 24
А. М. Коллонтай. Ленин в Смольном 29
Б. Этингоф. Начало новой эры 33
Г. И. Петровский. Рождение власти Советов 43
Р. И. Кисис. Октябрьские дни на Северном фронте . . 48
Н. В. Ерушев. Человек с ружьем 55
М. Коптев. За мир, землю, свободу! 61

ДЕКРЕТЫ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ 64

Рабочим, солдатам и крестьянам! . . . . —
Декрет о мире 66
Декрет о земле 69
Крестьянский наказ о земле 70

ТРУДЯЩИЕСЯ МАССЫ ОДОБРЯЮТ РЕШЕНИЯ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ 73

УТРО НОВОГО МИРА. Сб. воспоминаний и документов о II Всероссийском съезде Советов. М., Госполитиздат, 1962. 80 с. с илл. (Страницы истории Советской Родины.)

9(С)21

Художник *Г. Дейч*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 16 апреля 1962 г Подписано в печать 5 июня 1962 г. Формат 70 × 108[1]/[32]. Физ печ. л. 2[1]/[2]. Условн. печ. л. 3,43. Учетно-изд. л. 3,45. Тираж 125 тыс. экз. А 04178 Заказ № 3476. Цена 6 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

8 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1962